

Из-за любовного письма Хань Чунъюань и так чувствовал себя не в своей тарелке, но теперь, когда он услышал слова Мэн Эня, все мрачные мысли, терзавшие его, вырвались наружу.

Цзянь Цяюй не заметила появление злого кузена и рассмеялась:

— Ты же не дурак! Я советую тебе убраться отсюда как можно скорее! — она, похоже, не собиралась сдаваться. Но Мэн Энь её проигнорировал.

— Мэн, когда мой брат не захочет тебя видеть, наигравшись, я сделаю так, что ты будешь хорошо выглядеть в его глазах! — девочка даже топнула ногой.

— Что ты сказала? — в дверях появился Хань Чунъюань.

— Ку... Кузен? — пискнула Цзянь Цяюй, подпрыгнув от испуга. Она увидела его страшный взгляд и капли пота на белом лбу.

— Убирайся отсюда, — холодно бросил кузен.

Цзянь Цяюй на год младше Хань Чунъюаня, и кузен раньше был к ней добр. Она никогда ещё не видела его таким рассерженным, поэтому что-то пропищала извинительное и сбежала из комнаты.

В этот момент Хань Чунъюаню не было никакого дела до сестры. Он вошёл в спальню и с грохотом захлопнул дверь за собой. Быстро подошёл к Мэн Эню, повалил его на диван и укусил за плечо. Он так сильно это сделал, что чуть не прокусил кожу. Но увидев хлынувшие из глаз младшего слёзы, отпустил его. Прошипел тихо:

— Ты хочешь меня бросить?

— Нет, — Мэн Энь замотал головой, разгоняя дорожки слёз по щекам. Он не знал, что ему делать.

— Ты только что сказал Цзянь Цяюй, что уйдёшь! — Хань Чунъюань с тревогой изучал перепуганное и мокрое лицо младшего. Мэн Энь был так ему необходим, Хань Чунъюань так боялся его потерять. Он не хотел причинять боль младшему, но как ещё было сделать, чтобы и Энь почувствовал его боль и страх.

Мэн Энь выдохнул и тут же крепко обнял Хань Чунъюаня. Иногда старший его пугал:

— Это только... Если только ты не захочешь меня больше видеть.

— Ты мне нужен, так что даже не думай бросить меня! — Хань Чунъюань легонько укусил Мэн Эня за губу, а затем глубоко поцеловал.

Энь замер, послушно позволяя себя целовать, но Хань Чунъюань внезапно оттолкнул его и вскочил с дивана. Стал стремительно расхаживать по спальне из угла в угол.

На самом деле он и сам точно не знал, чего хочет. По крайней мере он не хотел полной покорности Мэн Эня! Он не хотел, чтобы младший спокойно и тихо ушёл, если перестанет ему нравиться. Да ещё постарается вернуть потраченные на него деньги? Это вообще нормально?

Если Мэн Энь разочаруется в нём, изменит и захочет уйти, то его жизнь никогда не будет счастливой! Никто ему не позволит!

Так чего же больше в привязанности Мэн Эня — любви или благодарности за заботу и деньги? А если они поссорятся и разбегутся? А если Энь встретит другого парня, что будет заботиться о нём так же сильно?

Хань Чунъюань не мог разобраться в своих мыслях. Но неожиданно замер.

Он неожиданно вспомнил, как его кузина издевалась над Мэн Энем в его же собственном доме! А кто ещё издевался над его малышом наедине?

Хань Чунъюань ударил кулаком по столу рядом с собой. От боли в руке ему стало легче, и он ударил ещё раз. И ещё!

Мэн Энь много раз видел, как Хань Чунъюань сходит с ума, но он впервые видел, как тот причиняет себе вред. Недолго думая, он бросился к старшему и схватил его за руку.

Но уже опоздал. Письменный стол в спальне был сделан из дорогого массива дерева и специально заказан Цзянь Мо. И это дерево было прочнее кулака Хань Чунъюаня. После нескольких ударов кисть покрылась синяками и закровоточила.

— Чунъюань, прекрати! — запаниковал Мэн Энь. Он знал, как справиться с этой ситуацией. — Не делай этого! — подросток крепко обнял старшего, не давая тому двигаться.

— Мэн Энь!

— Я здесь! — чуть не плакал Мэн Энь. — Не пугай меня так! Скажи, что я сделал не так, и я всё исправлю!

— Тогда скажи, счастлив ли ты со мной? — Хань Чунъюань отстранился и в упор уставился на младшего, наклонив голову.

— Я очень рад быть с тобой! — уверенно ответил Мэн Энь, глядя в глаза друга.

Но Чуньюань всё ещё не мог успокоиться:

— Раньше я тебе нравился, но в последнее время я же стал совершенно другим. Я тебе всё ещё нравлюсь? Всегда контролирую тебя, не позволяя делать то или это. Ты меня ненавидишь? Ты сам с каждым днём становишься лучше и лучше. Настанет день, когда ты захочешь уйти от меня?!!

Хань Чуньюань не стал дожидаться ответа Мэн Эня и продолжил:

— Знаешь, иногда мне действительно хочется сломать тебе руки-ноги и запереть в комнате, чтобы больше ни о чём не беспокоиться. Но, боюсь, ты будешь раздавлен. Поэтому просто надеюсь, что ты сейчас счастлив и никогда меня не бросишь! Тебе запрещено меня бросать!

И пусть слова о сломанных руках и ногах звучали мрачно, и Эню следовало бы бояться, но почему-то он совершенно не боялся этих слов. Но и не знал, что ответить старшему. Он не из тех, что умеет говорить приятные слова. Мэн Энь мог только повторять:

— Я не уйду, несмотря ни на что. Даже если ты меня прогонишь, не уйду!

Наконец эти слова дошли до воспалённого мозга Хань Чуньюаня. Он смог опомниться и прийти в себя:

— Я тебя напугал?

— Нет, в этом я сам виноват, — Мэн Энь покачал головой. — Пойду поищу тебе какое-нибудь лекарство. Или съездим в больницу?

— Не волнуйся, — Чуньюань взял младшего за руку. — Поговори со мной, Мэн Энь. Я хочу знать, что у тебя на уме.

— Я просто хочу быть с тобой всё время, — на самом деле Мэн Энь сейчас думал совсем о другом.

— Ты ведь ещё хочешь учиться, не так ли? Чем ты хочешь заниматься после окончания школы? — спросил Хань Чуньюань, усаживая мелкого на диван.

— Я могу дальше изучать гуманитарные науки и, в будущем, стать твоим секретарём или помощником, — неуверенно ответил Энь.

— Ты действительно хочешь этого? — нахмурился Хань Чунъюань. Конечно, он надеялся, что Мэн Энь будет рядом с ним на каждом этапе жизни, но ему казалось, что быть секретарём — не совсем то, о чём мечтает младший. — Что у тебя в глубине души? Давай, расскажи мне!

— В глубине души? — немного растерялся Мэн Энь. Затем он посмотрел на раненую руку старшего и прошептал: — Вообще-то, я всегда хотел стать врачом.

Многие дети боятся врачей, но он их совсем не боялся. Врач лечил его, а медсестра, что делала укол, убеждала добрым голосом, что это совсем не больно. Они были такими чистыми, почти святыми в своих накрахмаленных халатах.

Лицо Хань Чунъюаня сразу помрачнело. Он вдруг пожалел, что задал так много вопросов. В прошлой жизни Мэн Энь тоже хотел стать врачом, но денег на образование не было, поэтому он передумал. В итоге ему пришлось работать медбратом в доме престарелых. Чунъюань не ожидал, что и в этой жизни мечта сохранится.

Хань Чунъюаню становилось неуютно от одной мысли о том, что Мэн Энь действительно может стать врачом и целыми днями принимать пациентов! Даже если он станет хирургом и будет заниматься только операциями, он всё равно будет смотреть на тела чужих людей.

Но быть его помощником или секретарём? Серьёзно? Нет, Энь точно не подходит.

Раньше, когда он был председателем совета директоров «Хуаюань», вокруг него было много элитных людей с чрезвычайно высокими IQ и EQ (*эмоциональный интеллект). Мэн Энь точно не подходит на эту роль. Не говоря уж о том, что обязательно кто-то попробует через Эня навредить ему.

Кроме того, если Мэн Энь будет рядом, то он не сможет игнорировать его на работе, и их отношения будет сложно сохранить в тайне. В последующие десять лет отношения между мужчинами в Китае всё так же будут неприемлемы...

В голову снова хлынули разные мысли, но Хань Чунъюань неожиданно отвлёкся. Мэн Энь воспользовался тишиной и нашёл аптечку. Раны на ладони были очищены, смазаны и перевязаны.

— Говори мне всё, что хочешь, — выдохнул Хань Чунъюань. — Я всегда тебя выслушаю!

Хань Чунъюань должен признать, что был очень рад слышать слова Мэн Эня, хотя сам порой не понимал, чего хочет.

— Может, всё же в больницу? — травма была несерьёзной, но Энь всё равно беспокоился.

— Это просто царапина. Не нужно в больницу. Просто приму пару таблеток антибиотика,

чтобы не было заражения, — Хань Чунъюань терпеть не мог больницы и не хотел даже думать об этом, поэтому сменил тему: — Пойдём вниз. Цзянь Цяюй посмела тебя обижать, а я с ней ещё не разобрался.

— Она ничего такого не сказала...

— Да разве? — лицо Хань Чунъюаня снова похолодело. Но тут он кое-что вспомнил: — Вы же встречались уже в прошлый раз. Она тогда тоже что-то сказала?

— Нет.

— Правду! — Хань Чунъюань рывком поднял младшего с дивана.

Энь вцепился в его здоровую руку:

— Чунъюань, она правда ничего не говорила в тот момент. Я давно забыл об этом. Сегодня ей просто захотелось мой кулон, а я отказался отдавать. Вот они и наговорила глупостей! — Мэн Энь с беспокойством смотрел на старшего, осторожно подбирая слова. Он хотел оправдать девочку, потому как знал, насколько опасным может быть Хань Чунъюань.

Последующие слова подростка успокоили Чунъюаня:

— Она просто недалёковидна. Не беспокойся о ней в будущем.

— Кузен! — Цзянь Цяюй ждала их внизу. Услышав шаги на лестнице, она тут же подскочила к ступенькам. Как раз вовремя, чтобы услышать слова Мэн Эня, и тут же разозлилась:

— Кузен, не слушай его! Он несёт чушь! Я злилась на него только потому, что он смотрел на меня свысока! И он не пускал меня в твою комнату!

На самом деле девочка влюбилась в нефритовый кулон у Эня на шее и не знала, как его отобрать. Поэтому могла только бессильно злобствовать. Хань Чунъюань изначально не воспринимал её всерьёз, но видя злость в глазах кузины, слыша её слова, которые явно подставляют младшего... Лицо Чунъюаня становилось всё холоднее и холоднее.

Значит Мэн Энь смотрел на неё свысока? Как вообще такое возможно? Он физически так смотреть не может ни на кого! Если эта девчонка тут останется, то явно продолжит преследовать его малыша...

— Цзянь Цяюй, есть для тебя новости. Через несколько дней ты уедешь за границу.

— Кузен? — девочка удивлённо уставилась на двоюродного брата. Она, конечно, всегда хотела поехать за границу, но как-то это неправильно делать во время подготовки к выпускным экзаменам и... У неё возникло ощущение, что её выгоняют.

<http://bllate.org/book/13884/1427296>